

Защита военной и государственной тайны в печати во время коренного перелома в Великой Отечественной войне

Геннадий А. Куренков

*Российский государственный архив социально-политической истории,
Москва, Россия, kuren62@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема защиты военной и государственной тайны в 1943 г., году коренного перелома в Великой Отечественной войне, во взаимосвязи с ходом боевых действий и началом освобождения оккупированных ранее территорий. Цель и задачи статьи – выявление и описание мероприятий по защите информации, проводимых в данный период, оценка влияния боевых действий на состав, содержание и характер секретных сведений. Автор описывает проводимые советским государством мероприятия и отмечает взаимодействие высших органов партии, исполнительной власти и Главлита в области защиты военной и государственной тайны в 1943 г. Представлен широкий спектр секретных сведений, защита которых была актуальна в ходе боевых действий. Объем защищенной от разглашения государственной и военной информации позволяет сделать вывод, что проведение мероприятий по защите информации и цензурная работа были необходимым условием победы. Советскому государству удалось не допустить разглашения значительной части секретной информации военного и государственного значения. Тема, рассматриваемая в статье, пока не освещалась в открытой печати, и в этом ее актуальность и новизна. Предлагаемая статья основана исключительно на архивных документах Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: военная и государственная тайна, секретность, Главлит, НКГБ, НКВД

Для цитирования: Куренков Г.А. Защита военной и государственной тайны в печати во время коренного перелома в Великой Отечественной войне // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 5 (38). С. 74–87. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-74-87

Protection of Military and State Secrets during Radical Change in the Great Patriotic War

Gennadiy A. Kurenkov

*Russian State Archive of Socio-Political History,
Moscow, Russia, kuren62@mail.ru*

Abstract. The article analyzes an issue of military and state secrets protection in 1943, year of radical change in the Great Patriotic War, in its interrelation with the course of fighting and the beginning of liberation of the occupied territories. The purpose and tasks of the article are identification and description of the measures taken for information security during that period, as well as of how the fighting impacted upon structure, contents and character of the classified information. The author mentions facts and describes measures taken by the Soviet state and refers to interaction of the supreme bodies of party, executive power and Glavlit on protection of military and state secrets in 1943. Also he presented a wide range of the classified information which protection became relevant in the course of fighting. Amount of the state and military information kept from disclosure leads to a conclusion that the arrangements in information security and existence of censorship were a necessary condition for a victory in the war. The Soviet state managed to prevent disclosure of a considerable part of the classified information of military and state value. The relevance and novelty of subject of the article are clear from the fact that it has not yet got the open press coverage. The article is entirely based on documents from the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: military and state secrets, privacy, Glavlit, NKGB, NKVD

For citation: Kurenkov GA. Protection of Military and State Secrets during Radical Change in the Great Patriotic War. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;5(38):74-87. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-5-74-87

Введение

Деятельность государства по защите военной и государственной тайны, как и любая деятельность в условиях войны, зависит от положения как на фронтах, так и в тылу. Следует отметить, что первостепенное и непосредственное влияние на охраняемые объекты и субъекты защиты, а также на сведения, подлежащие защите, оказывает ход военных действий. Отметим также, что основной состав сведений, составляющих тайну в военное время, остается не только без изменений (всегда актуальными являются все сведения, определенные ранее как секретные), но и может изменяться в сторону дополнения. Кроме того, в военное время определенные сведения из числа секретных в зависимости от характера боевых действий (оборона, подготовка к наступлению, наступление и т. д.) становятся приоритетными. Следует сказать, что от положения на фронтах зависит не только состав сведений, составляющих военную и государственную тайну, но и состав политической информации, требующей защиты. В целом же обладание сведениями (секретные – это, как правило, наиболее объективные и важные) наряду с наличием уже имеющейся открытой информации дает противоборствующим сторонам основание для анализа ситуации и событий и в конечном итоге ведет к конкретным решениям и военным действиям. Изменения в составе секретной информации и ее динамика, а также мероприятия по защите военной и государственной тайны особенно наглядно прослеживаются при переходе от обороны на фронтах в 1941–1942 гг. к стратегическим наступательным операциям в период коренного перелома в Великой Отечественной войне в 1943 г., а затем в 1944–1945 гг., освобождения захваченной врагом советской территории и окончательного разгрома фашизма в Европе и непосредственно в Германии. В данной статье мы рассмотрим одно из направлений деятельности по защите информации – цензурирование (ограничение распространения) секретной информации: что осталось без изменений, а что претерпело изменения в деятельности по защите информации и в составе сведений, составляющих военную и государственную тайну в 1943 г. Цель и задачи статьи – выявление и описание мероприятий по защите информации, проводимых в данный период, определение влияния хода боевых действий на состав, содержание и характер секретных сведений.

Открытая историография по данной теме практически отсутствует, так как в советский период, да и в настоящее время, что и понятно, многие документы по данной теме носили и носят тот или

иной гриф секретности, были или остаются, малоизученными как в количественном, так и в качественном отношении. Практически только намечается ее серьезное научное осмысление с нескольких точек зрения – исторической, правовой, философской и с позиций теории и практики защиты информации. Автор статьи фактически единственный, кто пытается заниматься этим вопросом комплексно, применяя междисциплинарный подход к изучению темы в ее ретроспективной составляющей. Изучение этого вопроса только начинается, его историография только складывается, и в этом ее новизна и актуальность. В архивах имеются некоторые комплексы документов, которые в настоящее время можно использовать, но они или немногочисленны, или все еще имеют гриф секретности. Это одна из причин, по которым проблематика защиты информации в целом и защиты военной и государственной тайны в частности, особенно в военный период, до сих пор остается неразработанной открытым порядком. Представленная статья, возможно, даст толчок дальнейшему изучению данного вопроса.

Организационные оперативные мероприятия по защите государственной и военной тайны

В 1943 г., году коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, продолжалась работа по защите информации в целом. В частности, шла проверка общего состояния системы обеспечения секретности в государстве. Так, в 1943 году проводились начатые в 1942 г., проверки состояния обеспечения сохранности военной и государственной тайны на предприятиях, в учреждениях и ведомствах СССР. В начальный период войны работа по защите государственной тайны на предприятиях, в учреждениях и ведомствах, особенно тех, которые находились на территориях, затем оккупированных противником, осложнялась в связи с тяжелейшими условиями их эвакуации в тыл страны. Несомненно, в первую очередь необходимо было перевезти и организовать производство на новом месте, обустроить людей и в короткие сроки начать работу, т. е. выполнить главную задачу – наладить скорейшее производство военной продукции для фронта, а непроизводственным учреждениям – продолжать работу в условиях военного времени. Все остальное, в том числе решение задач по защите информации, делалось уже в процессе организации и налаживания основной работы. В связи с этим в том числе и в центральных органах исполнительной власти,

также готовящихся к эвакуации или частично эвакуированных в 1941 г. из Москвы, ослабла работа по защите информации. В то же время уполномоченные государством органы (НКВД, НКГБ и др.), контролирующие и осуществляющие в целом обеспечение государственной безопасности, в данной ситуации не могли и не имели право оставаться в стороне. Уже в 1942 г. НКГБ СССР разослал ведомствам, организациям и предприятиям письма с вопросами и утверждением организационных документов по обеспечению секретности.

В то же время осуществлялись и оперативные мероприятия. Так, в ночь на 1 мая 1943 г. Пятым управлением НКГБ СССР была произведена проверка состояния охраны государственной тайны в наркоматах СССР. В ходе проверки выяснилось неудовлетворительное состояние положения дел в ряде наркоматов: Наркомате электропромышленности СССР, Наркомате электростанций, Наркомате боеприпасов, Главсевморпути при СНК СССР, Наркомате связи СССР, Наркомате промышленности и строительных материалов СССР, Наркомате путей сообщения СССР, о чем народный комиссар безопасности СССР В.Н. Меркулов проинформировал ЦК ВКП(б) [1 л. 24–33]. В результате уже через несколько дней, 10 мая 1943 г., выходит распоряжение Совнаркома СССР № 9382-рс, в котором указывалось: 1. Записку НКГБ СССР тов. Меркулова В.Н. о неудовлетворительном состоянии охраны государственной тайны в ряде наркоматов разослать всем наркоматам. 2. Обязать наркомов навести порядок в аппаратах наркоматов, обеспечить охрану государственных тайн и о принятых мерах доложить в СНК СССР к 25 мая 1943 г. 3. Контроль исполнения настоящего распоряжения возложить на Управляющего делами СНК СССР тов. Чадаева Я.Е. [1 л. 23].

Далее наркоматы приняли данное распоряжение к исполнению и обязаны были доложить о принятых мерах по исправлению недостатков. В то же время по линии Главлита в 1942–1943 гг. также проводились постоянные проверки библиотек, в том числе и на наличие в открытых фондах секретных документов.

Контроль за опубликованием правительственных решений и документов

Важным направлением по ограничению распространения секретной информации, которому придавалось большое значение, был контроль за опубликованием наиболее важных государственных документов – постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Перед выпуском в свет предназначенных для открытого распространения постановлений проводился их анализ на предмет случайного нахождения секретных сведений. Так, приказом Уполномоченного СНК СССР по защите военной и государственной тайн в печати и начальника Главлита РСФСР Н. Садчикова от 12 июня 1943 г. № 39/836с отмечалось: «Впредь опубликование постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР... в открытых изданиях может быть разрешено только с моей санкции, цензор не дает разрешения опубликования... если не будет указано руководителем наркомата или центрального учреждения Союза ССР, что это постановление санкционировано к опубликованию в открытой печати Управлением делами ЦК ВКП(б) и соответственно Управлением делами СНК СССР. Не требуется моей санкции на опубликование в сборниках и справочниках и т. д. постановлений ЦК ВКП(б) в том случае, если это постановление опубликовано в центральной печати (“Правда”, “Известия”)» [2 л. 75 об.]. Как видно, основная ответственность в данном случае за распространение информации ложилась не на Главлит, а непосредственно на партийные или государственные органы – авторов постановлений. В принципе уже в это время намечалась данная тенденция, которая в дальнейшем получит свое развитие.

Разработка и составление нормативных документов

Следующим направлением деятельности по защите информации была разработка и введение в действие нормативных и организационных документов общегосударственного и ведомственного значения. Как известно, на случай войны в действие вводились специально подготовленные для этого или же дополнялись уже имеющиеся в работе документы. Так, например, пограничные службы НКВД СССР к сентябрю 1943 г. при осуществлении контроля на контрольно-пропускных пунктах на границе пользовались таким документами, как «Положение о функциях уполномоченного отдела иностранной цензуры и начальников КПП погранвойск НКВД СССР в области политического контроля над материалами, следующими через границу при пассажирах, их багаже и в грузах», «Инструкция о порядке осуществления уполномоченным отделом иностранной цензуры контроля материалов, следующих через границу при пассажирах и в грузах», «Список грампластинок, запрещенных к ввозу в СССР», «Перечень иностранной литературы, запрещенной к ввозу в СССР». Практика работы в условиях

военного времени и меняющаяся обстановка требовали внесения изменений в документы и приведения их в соответствие с новыми требованиями и условиями, так как некоторые сведения и положения в них или теряли свою актуальность или их не было вообще. В данном случае в сентябре 1943 г. вышеперечисленные документы были направлены в Главлит для их пересмотра и внесения изменений [3 л. 28].

В июле 1943 г. на внесение замечаний и согласование в отдел «В» НКГБ был направлен «Перечень важнейших сведений, не подлежащих передаче по радиотелефону, радиотелеграфу» [3 л. 9–12об.], а в декабре 1943 г. Уполномоченному по защите военной и государственной тайн в печати (далее – Уполномоченный СНК СССР) Н. Садчикову был направлен на внесение замечаний проект «Правил по сохранению военных тайн в печати Красной Армии (на военное время)», подготовленный к изданию Отделом военной цензуры Генштаба Красной Армии [4 л. 25]. Как видно, и в 1943 г. шел процесс довольно активной доработки или составления новых нормативных документов по защите информации заинтересованными структурами.

Дополнения в перечни сведений, запрещенных к опубликованию в военное время

В данный период соответственно продолжалась и постоянная работа по контролю за распространением в печати и радио секретных сведений, уже имеющихся ранее в перечнях, запрещенных к опубликованию в военное время, а также шел процесс внесения изменений и дополнений. Так, в январе 1943 г. было запрещено опубликование статей и материалов по вопросам боевых действий, написанных генералами, без особой санкции в каждом отдельном случае ЦК ВКП(б) и опубликование в печати карт-схем районов боевых действий, кроме карт-схем, прилагаемых к официальным материалам Свинформбюро [5 л. 4]. Также было запрещено опубликование званий и должностей командиров частей и соединений от полка и выше в стрелковых и кавалерийских дивизиях, эскадрильях в авиации, миноносцев и подводных лодок в ВМФ, батальона и роты в других родах войск без санкции Военного совета или начальника штаба армии, фронта, военного округа, флота, флотилии [2 л. 8об.]. В газетах было запрещено указывать населенные пункты, где идет бой, а также сообщать о начале и исходе военной операции [2 л. 9]. В феврале 1943 г. запретили печатать в открытой печати и

передавать по радио сведения о конструкции и использовании частями Красной Армии стального нагрудника СН-12 и винтовочной агитационной гранаты ВАГ-42, независимо от того, были ли ранее эти сведения опубликованы или нет, а также о применении нашими частями на фронте огнеметов, об использовании трофейной техники (танки, самолеты) с немецкими опознавательными знаками и о новой организации в Красной армии гвардейских минометных бригад и дивизий [5 л. 7]. Секретным циркулярным письмом Уполномоченного СНК СССР от 2 февраля 1943 г. № 3/111 с цензурным органам разрешалось публиковать сообщения о смерти генералов Красной армии только на основании правительственных сообщений. Об участии медперсонала в боевых действиях Красной армии разрешалось печатать только как о защите и самозащите в случаях нападения противника на госпитали, медпункты или на медработников, а слово «катюша» разрешалось упоминать в статьях, стихах и песнях только в тех случаях, когда оно не связывается с изобретением тов. Костикова [5 л. 7].

В течение войны постоянно вносились изменения в Перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну, особенно по военной технике и вооружениям, в сторону как дополнения, так и рассекречивания. Появляющиеся на фронтах новая техника и вооружения, как отечественные, так и союзников, подлежали полному или частичному засекречиванию. Но в тоже время некоторые сведения рассекречивались частично или становились открытыми. Это, как правило, были сведения по уже известным противнику или устаревшим образцам военной техники. Так, 3 февраля 1943 г. были частично запрещены к опубликованию в печати и фото вооружений. Например, были засекречены сведения по американским танкам: легкие и средние М-3, английские танки «Черчилль», «Тетрарх» (Мк. VII) [5 л. 16–17об.], причем называть и показывать их на фото можно было открыто, а тактико-технические данные имели гриф «дсп». Летом 1943 г. были запрещены к опубликованию сроки лечения и выздоровления по отдельным видам ранений в полевых условиях.

Но в общем можно отметить, что всегда оставались актуальными и должны были строгайше сохраняться в тайне от противника, например, сведения по фронтовым и прифронтовым районам: о размещении армии и флота вдоль линии фронта, масштабах и родах войск на отдельных участках, передислокации, переформировании войск и т. д.; о создании и расположении линии оборонительных укреплений, возведении фортификаци-

онных сооружений, восстановлении и новом военно-дорожном строительстве; о транспортировке военных грузов, а также данные о конкретных разрушениях на военных, железнодорожных, промышленных объектах, причиненных в результате вражеских бомбардировок или артиллерийских обстрелов, и сведения об их восстановлении [5 л. 50]. По-прежнему категорически запрещалось давать в открытой печати все сведения о перевозке любых грузов по Севморпути и Каспийскому морю и военных действиях Каспийской и Волжской флотилий [5 л. 53]. Все же отдельные материалы могли быть опубликованы только с санкции Главлита.

Рассмотрим, какие же новые сведения появились и подлежали засекречиванию в 1943 г.

Во-первых, 1943 г. ознаменовался переходом наших войск к стратегическим наступательным действиям и освобождением части нашей территории. В связи с этим появляются и новые сведения, составляющие военную и государственную тайну и подлежащие засекречиванию и охране. Так, с апреля 1943 г. категорически запрещалось в освобожденных от оккупации немцев районах опубликование каких бы то ни было материалов о восстановлении заводов, портов, железнодорожных станций и других объектов, имеющих оборонное значение. Допускалось лишь упоминать о восстановлении в этих районах предприятий и учреждений, связанных с обслуживанием населения: коммунальных электростанций, бань, школ, больниц, пекарен, трамваев [5 л. 42]. Например, военный цензор 3-го Украинского фронта майор Кудря в письме начальнику Отдела военной цензуры Генштаба Красной Армии 24 ноября 1943 г. отметил: «За последнее время в центральной печати, в газете “Правда”, “Красная Звезда”, “Комсомольская правда” и др. печатается о восстановлении предприятий в освобожденных городах Запорожье, Днепропетровск, Днепродзержинск, Сталино и др. При описании сообщается, какие предприятия немецкие оккупанты не успели взорвать, восстановление разрушенных предприятий, особенно металлургических, которые, ясно каждому, работают, главным образом, на армию. Не знаю, может быть, это совпадение, но буквально через несколько дней после публикации этих сведений в газетах города, заводы подвергаются ожесточенным бомбардировкам... О чем считаю своим долгом Вам донести» [6 л. 2]. Мне кажется, комментарии здесь излишни. В связи с этим были внесены дополнения к параграфу 49 Перечня сведений (на военное время) [7 л. 11]. Также в дополнение к этому параграфу было внесено запрещение опубликовывать в печати и передавать по радио все

сведения по строительству новых предприятий, железных дорог и реконструкции старых заводов и фабрик, а также упоминать о закрытии тех или иных заводов и предприятий народного хозяйства или эвакуации их из одного пункта в другой [5 л. 54]. В мае 1943 г. было запрещено опубликовывать сведения о перевозках всяких грузов по каналу Москва–Волга [5 л. 55], а также указывать количество выработанных сверхплановых заданий с указанием количества (танков, самолетов). Разрешалось употреблять только общие выражения: «таких-то заводов», план «на столько-то процентов» [5 л. 56].

В исключительных случаях сведения можно было печатать только с разрешения Главлита. В декабре 1943 г. информационным письмом Уполномоченного СНК СССР № 8 в связи с освобождением территорий, где находились угольные шахты, промышленные предприятия и железнодорожные объекты, было запрещено опубликовывать данные по производственным планам шахт и трестов, количеству добываемого угля в абсолютных цифрах, мощности восстановленных шахт и количеству рабочих, а также по мощности заводов, характеру военной продукции [7 л. 41–42]. Не разрешалось опубликовывать сведения о восстановлении мостов, железнодорожных узлов, депо, о путевом хозяйстве и другие сведения в 200-километровой зоне, прилегающей к фронту [7 л. 44].

Как известно, 1943 год был годом Курской битвы, «битвы моторов». В 1943 г. было запрещено давать сведения о формировании танковых корпусов, и в частности Уральского танкового корпуса. В период развернувшейся Курской битвы циркулярным письмом Уполномоченного СНК СССР от 24 июля 1943 г. № 17/1016с запрещалось опубликовывать в открытой печати о боевых операциях Красной Армии с указанием действий крупных соединений от корпуса и выше. В связи с продолжающимися в 1943 г. поступлениями техники от союзников по ленд-лизу также на определенное время засекречивалось их конкретное содержание. Так, к примеру, приказом Уполномоченного СНК СССР и начальника Главлита от 6 ноября 1943 г. № 57/1126с по видам вооружения запрещалось опубликовывать сведения о наличии американских самолетов, состоящих на вооружении в ВВС РККА, таких как истребители «Мустанг», бомбардировщики «В-25 Норд-Америкен» с мотором «Райт-Циклон», бомбардировщики «Бостон-3» с мотором «Райт-Циклон», корректировщики огня «Кертис 52р» с мотором «Прайт-Уитней» [5 л. 80]. В 1943 г. также запрещается опубликование данных по военно-учебным заведениям действующих фрон-

тов [7 л. 26]. Интересно, что разрешалось опубликование данных о военных училищах (без указания количества обучающихся) в Закавказском, Забайкальском, Дальневосточном округах. Это наводит на мысль, что это делалось для показа соблюдения условий нейтралитета по отношению к туркам и японцам.

Не обходилось и без проблем. Так, в октябре–ноябре 1943 г. в Главлите не хватало цензоров и контролеров на китайском, польском, румынском, чешском, урду, латышском языках. Были и другие проблемы, но главную задачу удавалось решить.

Количественные показатели и итоги работы

Если говорить об объеме выполненной Главлитом работы в целом, то с середины 1941 по 1943 г. было произведено 67 096 изъятий информации, из них по документам Красной армии – 10 381, ВМФ – 2850. За тот же период было произведено 34 352 вычерка. Из них по организации и численности Красной армии и ВМФ – 1981; по дислокации частей – 7518; по боевой подготовке и боевым операциям – 809; по боевой технике – 237; по пограничным и внутренним войскам НКВД – 64 и т. д. Также были вычерки по мобилизационным и оперативным планам, транспорту, санитарному делу, военно-инженерному делу, мореходным приборам, геодезии и картографии, аэроснимкам, геологии, метрологии, гидрологии, военной промышленности, путям сообщения, связи, противовоздушной обороне, воздушному флоту, подъему затонувших судов, Севморпути, общественным оборонным организациям, экономической тайне. Значительное меньшинство составляли вычерки по политическим искажениям, искажениям цитат, опечаткам политического характера. Больше всего изъятий Главлита было по военной тайне – 23494, по экономической тайне – 2974, по политическим мотивам – 7884 [8 л. 3–80]. Наблюдалась и положительная тенденция: так, в письме помощника начальника Главного морского штаба ВМФ вице-адмирала Пантелеева начальникам штабов флотов (флотилий) от 15 марта 1944 г. № 325653 отмечалось, что в 1942 г. по линии цензуры Военно-морского флота была предотвращена тысяча нарушений, а в 1943 г. – 1156, при этом снизилось разглашение военной тайны – с 50 в 1942 г. до 24 в 1943 г. [9 л. 16].

Заключение

Таким образом, в 1943, очередном военном году, в стране продолжалась работа по защите информации в целом, проводились мероприятия по проверке обеспечения секретности, состояния охраны военной и государственной тайны. В общегосударственном и ведомственных масштабах разрабатывались нормативные документы, осуществлялся контроль за соблюдением военной и государственной тайны в правительственных и других государственных учреждениях, ведомствах, на предприятиях, в изданиях и издательствах. Так как одним из потенциальных каналов, через который может происходить утечка секретных сведений, являются средства массовой информации (печать, радиовещание, др.), государством осуществлялась работа по ее контролю и ограничению (цензурированию).

Эта работа, наряду с другими направлениями деятельности по защите информации в целом, проходила в рамках действующей единой централизованной системы защиты информации (секретности), т. е. мероприятия и действия носили не одновременный или случайный, а целенаправленный и системный характер в масштабах всего государства, так как именно системность дает наиболее эффективный результат по защите информации. В военное время существенно расширяется и круг сведений, составляющих военную и государственную тайну.

Ход военных действий влиял и на состав секретных сведений. В 1943 г. появляются и новые оперативные сведения, составляющие на тот момент военную и государственную тайну. Государственная тайна является неотъемлемой составляющей суверенитета и системы управления (особенно в военное время) любой страны. Дело в ее обоснованности и своевременности. Только путем оценки целесообразности засекречивания конкретных сведений, анализа вероятных военных, экономических и иных последствий разглашения секретных сведений можно в какой-то мере определить обоснованность отнесения сведений к государственной тайне и их засекречивание. На наш взгляд, засекречивание перечисленных в данной статье сведений и проведение мероприятий по обеспечению секретности отвечает этим требованиям.

Существенной составляющей, кроме обоснованности, является также и своевременность отнесения сведений к государственной тайне тех или иных сведений. Она заключается в установлении ограничений на распространение этих сведений с момента их по-

лучения (разработки) или заблаговременно, до рассекречивания. В предлагаемой статье видно, что условия войны в 1943 г. диктовали свои требования к защите тех или иных конкретных сведений и информации в целом. Приведенные выше цифры изъятий и вычерков показывают, какое большое количество сведений, составляющих военную тайну, потенциально могло быть известно противнику, не будь специально созданного органа контроля в виде аппарата Уполномоченного СНК СССР по защите военной и государственной тайны в печати и Главлита, и какой военный и экономический ущерб был бы нанесен Родине. Как показала практика, такой орган, особенно в военное время, был необходим. Его действия были направлены на превентивные меры пресечения утечки секретной информации.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 116.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 119.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 195.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 196.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 37.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 291.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 120.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 24.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 292.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 116.
2. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 119.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 195.
4. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 196.
5. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 37.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 291.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 120.
8. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 24.
9. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond P-9425. Opis'1. Delo 292.

Информация об авторе

Геннадий А. Куренков, кандидат исторических наук, Российский государственный архив социально-политической истории, Москва, Россия; Россия, Москва, 125009, ул. Большая Дмитровка, д. 15; kuren62@mail.ru

Information about the author

Gennadiy A. Kurenkov, PhD in History, Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow, Russia; bld. 15, Bolshaya Dmitrovka st., Moscow, 125009, Russia; kuren62@mail.ru